

НАУКА И РЕЛИГИЯ

5/2024

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ АДА

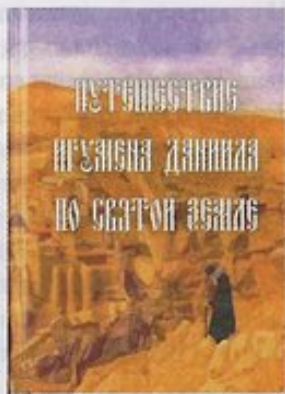
**«ВЕЛИКАНЫ» И «КАРЛИКИ»
НАШЕГО МИРА**

**ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ
БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

О свете святом: как сходит с небес ко Гробу Господню

Мы продолжаем публиковать отрывки из книги «Путешествие игумена Даниила по святым местам» – памятника древнерусской литературы, изданного в 2023 году Императорским Православным Палестинским Обществом по версии А. С. Норова (1113–1115) под редакцией председателя ИППО Сергея Степашина, редактор современного текста и издатель – советник председателя ИППО, председатель Кипрского отделения Леонид Буланов. Фрагмент, который мы публикуем в этом номере, посвящён пребыванию игумена Даниила на Пасху в Храме Гроба Господня в Иерусалиме.

И это мне Господь дал видеть, худому и недостойному рабу Своему Даниилу иноку. И видел очами своими грешными поистине, как сходит свет святой ко Гробу животворящему Господа Спасителя нашего Иисуса Христа. Многие ведь иные странники неправду говорят о схождении света святого: одни говорят, что Святой Дух голубем сходит ко Гробу Господню, а другие говорят: молния сходит с небес, и там зажигаются лампы над Гробом Господним. И то неправда, ибо ничего не видно тогда – ни голубя, ни молнии. Но так, невидимо, сходит благодать Божия, и зажигаются лампы над Гробом Господним. Да и о том скажу, как видел, поистине. В Великую пятницу после вечерни протирают Гроб Господень, и вымывают лампы те, и вливают масла оливкового чистого без воды одного только масла того. И, воткнув светильники в оловцы, не зажигают светильников тех, но так оставляют лампы незажжёнными. И запечатывают Гроб в два часа ночи. И тогда гасят все лампы, не только здесь, но и по всем церквам в Иерусалиме. Тогда и я, худой, в ту пятницу в час дня, пошёл ко князю Балдуину и поклонился ему до земли. Он же, видя меня, бьющего челом, подзвал меня к себе с любовью и сказал мне: «Чего ты хочешь, русский игумен?» Он меня хорошо узнал и полюбил меня очень, поскольку муж он добродетельный, и смиренный весьма, и ничуть не гордый. Я же сказал ему: «Господине

княже! Молю тебя Бога ради и князей ради Русских: дозвожь мне поставить свою лампаду на Гробе Святом за всех князей наших и за всю Русскую землю, за всех христиан земли Русской!» И тогда князь повелел мне поставить мою лампаду и с радостью послал со мной мужа, своего лучшего слугу, к эконому церкви Святого Воскресения и к тому, кто держит ключ от Гроба Господня. И повелели мне оба, эконом и ключник Святого Гроба, принести лампаду свою с маслом. Я же, поклонившись им с радостью великой, пошёл на рынок и купил большую стеклянную лампаду и, налив в неё масла оливкового чистого, принёс ко Гробу Господню, когда уже наступил вечер. Упросил я ключника того, одного тогда внутри Гроба бывшего, и кое-что обещал ему, и он открыл мне двери Гроба Господня, велел мне снять сапоги и так босого ввёл меня одного в Гроб Господень с лампадой, которую я нёс в руках своих грешных, и повелел мне поставить лампаду на Гроб Господень. И я её поставил своими руками грешными в ногах – где лежали пречистые ноги Господа нашего Иисуса Христа. Ибо в головах стояла лампада греческая, на груди же поставлена была лампада Святого Саввы и всех монастырей. Ведь такой здесь обычай: каждый год ставят греческую лампаду и от монастыря Святого Саввы. И благодатью Божьею те три лампы загорелись тогда; а фряжская лампада повешена была сверху, а из тех ни одна не загорелась. Я же поставил лампаду на святом Гробе Господа нашего Иисуса Христа, и поклонился честному Гробу тому, и, облобызав с любовью и со слезами место то святое и честное, где лежало пречистое тело Господа нашего Иисуса Христа, вышел из Гроба Святого с радостью великою и пошёл в свою келью. Назавтра же, в Великую субботу в шестой час дня,

собираются все люди перед церковью Святого Воскресения – бесчисленное множество народа, жители той земли и пришельцы из всех стран: и из Вавилона, и из Египта, и из Антиохии, и со всех концов земли. Собирается там в тот день людей несказанное множество. И наполняются людьми все те места около церкви и около Распятия Господня; и великая теснота там бывает, так что многие люди тогда задыхаются от тесноты народа бесчисленного. И те люди все стоят со свечами незажжёнными и ждут открытия церковных дверей. Внутри же церкви одни попы находятся. И ждут они и все люди, пока придёт князь Балдуин с дружиной своей; и тогда бывает открытие дверей церковных, и входят люди в церковь в тесноте великой, и наполняют церковь ту и хоры. Вся церковь и пространство вокруг неё наполняется людьми, и около Голгофы, и около Краниева места, и вплоть до того места, где были найдены кресты, и всё то делается полно множеством людей. И те люди все ничего другого не говорят, только: «Господи, помилуй!» взывают неослабно и кричат громко, так что гудит и гремит всё то место от вопля тех людей. И тут ручьями проливаются слёзы у верных людей. Даже с каменным сердцем человек может тогда прослезиться. Ибо каждый заглядывает тогда в себя, и вспоминает свои грехи, и говорит каждый в себе: «Неужели из-за моих грехов не сойдёт Дух Святой?» И так стоят все верные люди в слезах с сокрушённым сердцем. И сам тот князь Балдуин стоит со страхом и смирением великим, и ручьи слёз текут из очей его. Также и дружина его стоит около него напротив Гроба, вблизи алтаря великого. В седьмой час дня субботнего пошёл князь Балдуин ко Гробу Господню с дружиной своею из дома своего; все пешком пошли. И послал князь в метохию (подворье монастыря. – Ред.) Святого Саввы, и позвал игумена того Святого Саввы с чернецами его. И пошёл игумен с братией ко Гробу Господню, и я, худой, тут же пошёл с игуменом тем и с братиею. И подошли мы к князю тому, и поклонились ему все. Тогда и он поклонился игумену Святого Саввы, и повелел игумену Святого Саввы и мне, худому, пойти рядом с ним, и иным игуменам и чернецам всем повелел перед собой пойти, а дружине своей повелел сзади пойти. И пришли мы к церкви Воскресения Христова, к западным дверям. И вот множество людей закрыло собой двери церкви, и не могли мы войти в церковь. Тогда князь Балдуин повелел воинам своим силой разогнать людей, и сделали воины как бы улицу до самого Гроба Господня, и тогда мы смогли пройти между людьми. И подошли к восточным дверям Святого Гроба Господня, и князь за нами подошёл и стал на месте своём с правой стороны у преграды великого алтаря

напротив восточных дверей Гроба Господня, ибо тут место княжье, построенное высоко. И повелел князь игумену Святого Саввы стать над гробом со своими чернецами и с православными попами. Мне же, худому, повелел стать высоко над самыми дверями Гроба напротив великого алтаря, чтобы мне возможно было заглянуть в двери Гроба. Двери же Гроба все три запечатаны были, и запечатаны царскою печатью. Латинские же попы в великом алтаре стояли. И когда наступил восьмой час дня, начали вечерню петь на Гробе вверху попы православные, и черноризцы, и все духовные мужи; и пустынники многие тут были; латиняне же в великом алтаре начали верещать по-своему. И так пели они, а я тут стоял, прилежно глядя на двери Гроба. И как начали читать паремии той Великой субботы, вышел епископ с дьяконом из великого алтаря, подошёл к дверям Гроба, и заглянул в Гроб сквозь крестец дверей тех, и не увидел света в Гробе, и возвратился в алтарь. И когда начали читать шестую паремию, те же епископ с дьяконом подошли к дверям Гроба и опять ничего не увидели. И тогда все люди возопили со слезами «Кирие, елейсон!», что значит «Господи, помилуй!» И когда минул девятый час и начали петь проходную песнь «Господу поём», тогда внезапно пришла небольшая туча с востока и стала над непокрытым верхом той церкви, и пошёл дождь над Гробом Святым, и смочил нас хорошо, стоящих на Гробе. И тогда внезапно воссиял свет святой в Гробе Господнем: вышло блистание страшное и светлое очень из Гроба того святого. И, подойдя, епископ с четырьмя дьяконами открыл двери Гроба, и взял свечу у князя Балдуина, и с нею вошёл в Гроб, и первым делом зажгёт свечу князя от того святого света. Вынеся же из Гроба ту свечу, дал самому князю в руки. И стал князь на месте своём, держа свечу с великой радостью. И от него мы все зажгли свои свечи, а от наших свечей все люди зажгли свои свечи. Свет же святой не такой, как огонь земной, но другой, светится необычно; и пламя его красно, как киноварь. И так все люди стоят со свечами горящими, и вопиют громогласно все люди «Господи, помилуй!» с радостью великою и веселием, так как увидели свет святой Божий. И если кто не видел той радости в тот день, то не поверит говорящему о всём том виденном. Однако мудрые и верные люди верят и с радостью слушают рассказ об этой святине и о местах этих святых, ибо верный и в малом и во многом верен, а злому человеку и истинное кажется ложным. Мне же, худому, Бог свидетель, и святой Гроб Господень, и все спутники, русские сыны, случившиеся тогда в тот день там, новгородцы и киевляне: Сдеслав Иванкович, Горослав Михалкович, Кашкича и другие многие, которые знают

Горка Старика на берегу Волги. 2024

обо мне и о рассказанном мною здесь. Но возвратимся к прерванному повествованию. И когда же свет воссиял в Гробе Господнем, тогда пение прекратилось, и все воскликнули: «Кирие, елейсон!», и пошли из церкви с горящими свечами и с радостью великою, храня свои свечи, чтобы не погасил их ветер, и шли каждый в дома свои. И от того света святого зажигают лампы в своих церквах и пение вечернее заканчивают в церквах своих. А в великой церкви у Гроба Господня сами попы одни без людей заканчивают вечернее пение. Тогда и мы с игуменом и с братиею пошли в свой монастырь, неся горящие свечи, и там закончили вечернее пение, и пошли в свои кельи, хваля Бога, давшего нам видеть эту благодать. И на утрени в день Воскресения Христова, в неделю Святой Пасхи, отпев как подобает заутреню и после целования с игуменом и с братиею, по отпущении, бывшем в час дня, взяв крест, мы, игумен и вся братия, пошли к Гробу Господню. Шли и пели этот кондак: «Хотя и в гроб сошёл, бессмертный!» И войдя в Святой Гроб животворящий, облобызали Святой Гроб Господень с любовью и со слезами тёплыми и насладившись тут благоуханным тем ароматом Святого Духа пришествия; а лампы те ещё горели дивно и чудесно. Три ведь те лампы зажглись тогда, как нам поведал эконоом и ключник Гроба Господня. А иных пять лампад висит над Гробом; но они горели тогда, хотя свет их и был иным, не таким, какой у тех трёх лампад, необычно и чудесно

святиющихся. А потом мы вышли из Гроба восточными дверьми и, войдя в алтарь, сотворили там целование с правоверными попами православными и сирийскими, и вышли из церкви и пошли в свой монастырь, и там отдохнули до литургии. И через три дня после Воскресения Господня, по литургии, пошли мы к ключнику Гроба Господня, и я сказал ему: «Хотел бы я взять свою лампаду». Он же с любовью принял меня, ввёл в Гроб одного только. И, войдя в Гроб, увидел я свою лампаду, стоящую на Святом Гробе и ещё горящую светом тем святым. И поклонился я тому Святому Гробу и облобызал место то честное, где лежало пречистое тело Господа нашего Иисуса Христа. И тогда я сам измерил Гроб в длину, ширину и высоту, каков он; при людях ведь невозможно измерить его никому. И я почтил Гроб Господень по силе моей, как мог, и тому ключнику подал немного на благословение. Он же, видя мою любовь ко Гробу Господню, отодвинул тогда дощечку, находящуюся в головах святого Гроба Господня, и отломил мне от того святого камня небольшую частицу на благословение, запретив мне с клятвой кому-либо говорить об этом в Иерусалиме. Я же поклонился Гробу Господню и ключнику и, взяв лампаду свою с маслом ещё горящим, вышел из Гроба Святого с радостью великою, обогатясь благодатью Божией, неся в руке моей дар святого места и знамение Святого Гроба Господня, и шёл, радуясь, как будто сокровище обрёл. И пошёл в келью свою с радостью великою.

Храм Гроба Господня в Иерусалиме